

УДК 94(470-25=174)»1915/1939»
DOI: 10.25688/20-76-9105.2022.45.1.06

Кувшинова Елена Евгеньевна

Московский городской педагогический университет
Москва, Россия
e-mail: Kuvshinovaee@mgpu.ru

ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ЛАТЫШСКИХ КУЛЬТУРНЫХ ОБЪЕДИНЕНИЙ МОСКВЫ В ПОЛИТИЧЕСКИХ УСЛОВИЯХ 1915–1938 гг.

Аннотация: В статье рассматриваются обстоятельства появления, деятельности и ликвидации в Москве латышских организаций культуры — театров, клубов, сообществ с периода Первой мировой войны до 1939 г. Выявляются приоритетные идеологические установки, основные цели и задачи этих организаций, определяются руководящие органы, основные направления деятельности, социальный и профессиональный состав участников. Исследуются факторы, повлиявшие на ликвидацию этих организаций в период Большого террора, сопровождавшегося расправами над руководящими и рядовыми сотрудниками, и определяется масштаб репрессий.

Главным центром латышской культуры в Москве с 1925 г. было общество «Прометей», имевшее разветвленную структуру секций по всем основным направлениям деятельности — издательской, театральной, школьной, художественной, сельскохозяйственной. Именно оно осуществляло основную работу с латышской диаспорой в Москве, состоявшей из рабочих, служащих и творческой интеллигенции, а также поддерживало представителей своей этнической группы по всей стране. Общество получало существенную поддержку латышских политических объединений и центральных органов власти в СССР — Всероссийского центра латышских секций ВКП (б) и его бюро, Латышской высшей партийной школы, Латышской секции Коминтерна, Комиссариата по латышским и национальным делам. Несмотря на приверженность социалистическим идеям и направленности на хозяйственно-экономическую деятельность, в 1937 г. общество было ликвидировано как контрреволюционная организация. Закрытие объединения сопровождалось массовыми политическими репрессиями

представителей вышестоящих организаций — членов латышских секций Коминтерна, ВКП (б), а также курируемых ими этнических учреждений культуры и образования — латышских клубов, школ, театральных коллективов, колхозных кружков по всей стране. Все обвинения с упоминаемых членов культурных и образовательных учреждений были сняты в реабилитационных процессах 1956–1957 гг.

Ключевые слова: латышская диаспора Москвы, общество «Прометей», театр «Скатувэ», латышская школа, латышские художники, латышская операция НКВД 1937–1938 гг.

Kuvshinova Elena E.

Moscow City University

Moscow, Russia

e-mail: Kuvshinovaee@mgpu.ru

ACTIVITY OF THE LATVIAN CULTURAL ASSOCIATIONS IN MOSCOW IN THE POLITICAL CONDITIONS OF 1915–1938

Abstract: The article examines the circumstances of the emergence, activity and liquidation of Latvian cultural organizations in Moscow — theaters, clubs, communities from the period of the First World War to 1939. The priority ideological attitudes, the main goals and objectives of these organizations are identified, the governing bodies, the main areas of activity, the social and professional composition of the participants are determined. The factors that influenced the liquidation of these organizations during the Great Terror, accompanied by repressions of leading and ordinary employees, are investigated and the scale of repression is determined.

Since 1925, the main center of Latvian culture in Moscow has been the Prometheus Society, which had a ramified structure of sections in all main areas of activity — publishing, theater, school, art, agriculture. It was it who carried out the main work with the Latvian diaspora in Moscow, which consisted of workers, employees and creative intelligentsia, and supported representatives of its ethnic group throughout the country. The society received substantial support from Latvian political associations and central authorities in the USSR — the All-Russian Center of Latvian Sections of the All-Union Communist Party of Bolsheviks and its Bureau, the Latvian Higher Party School, the Latvian Section of the Comintern, and the Commissariat for Latvian and National Affairs. Despite adherence to socialist ideas and focus on economic and economic activity, in 1937 society was liquidated as a counter-revolutionary organization. The closure of the association was accompanied by massive political repression of representatives of higher organizations — members of the Latvian sections of the Comintern, the All-Union Communist Party (Bolsheviks), as well as ethnic cultural and educational institutions supervised by them — Latvian clubs, schools, theater groups, collective farm circles throughout the country. All charges against the mentioned members of cultural and educational institutions were dropped in the rehabilitation processes of 1956–1957.

Keywords: the Latvian diaspora of Moscow, the *Prometheus* society, the *Skatuve* theater, the Latvian school, Latvian artists, the Latvian operation of the NKVD 1937–1938.

Введение. Современная отечественная историография по исследуемой теме представлена работами Д. В. Аветяна, Т. С. Зелюкиной, Е. Н. Крякина, Л. А. Лягушкиной, Е. Л. Назаровой, Э. Ф. Шафранской, В. П. Штрауса¹. Исследования современных зарубежных (латышских) авторов — В. Шалды, Т. Бартеле, Т. Кикутса, В. Стинкулиса — опубликованы в периодических сборниках Института всеобщей истории РАН «Россия и Балтия», «Россия и Латвия» и латышской периодике². В упоминаемых публикациях поднимаются вопросы численности латышских переселенцев в России и СССР, роли красных латышских стрелков в поддержке революции в России, дается характеристика деятельности этнических объединений латышей, в том числе культурно-просветительских организаций в Московском регионе, исследуется социальный и профессиональный состав участников.

Этапам формирования латышской общины в центральных районах России уделяют большое внимание в своих публикациях Т. Кикутс, В. П. Штраус, В. Шалда. Авторы исследуют увлеченность русской культурой и процесс расширения круга латышской интеллигенции в столичном регионе в XIX в.³, выделяют коллективный и индивидуальные факторы миграционных процессов начала XX в.⁴, дают оценку настроений беженцев в 1917 г., когда предпочтение отдавалось большевикам, и в годы Гражданской войны, когда социально-политическая ориентация латышей сильно изменилась⁵. Подробный анализ

¹ Аветян Д. В. Латыши и Латвия в русскоязычной советской прессе. 1918–1940 гг. [Электронный ресурс] // Электронный научно-образовательный журнал «История». 2017. Т. 8. Вып. 4 (58). URL: <https://history.jes.su/s207987840001851-5-1/> (дата обращения: 07.01.2022); Зелюкина Т. С. Латвийские художники в Третьяковской галерее // Россия и Балтия. Вып. 9: Источник и миф в истории. М.: Весь мир, 2020. С. 224–238; Крякин Е. Н. Этнические организации Москвы и Подмосковья в 1920-е – первой половине 1930-х гг.: дис. ... канд. ист. наук. М., 2018. 180 с.; Лягушкина Л. А. Социальный портрет репрессированных в РСФСР в ходе Большого террора (1937–1938 гг.): сравнительный анализ баз данных по региональным «Книгам памяти»: дис. ... канд. ист. наук. М., 2016. 354 с.; Назарова Е. Л. Латыши в русской революции. Судьба Карла Яковица // Россия и Балтия. Вып. 9: Источник и миф в истории. М.: Весь мир, 2020. С. 143–186; Шафранская Э. Ф. Бутовский полигон vs Нукусский музей им. И. В. Савицкого // Знамя. 2021. № 7. С. 180–205; Штраус В. П. Московская латышская община в XIX в. Краткое обозрение // Россия и Балтия. Вып. 3: Остзейские губернии и Северо-Западный край в политике реформ Российской империи. 2-я половина XVIII–XX в. М.: ИВИ РАН, 2004. С. 188–194.

² Бартеле Т. Латышский театр в Москве. 1915–1922 // Россия и Балтия. Вып. 2: Эпоха перемен. М.: Наука, 2002. С. 88–110; Кикутс Т. Латышские переселенцы в России: отражение проблемы в латышской публицистике начала XX века // Россия и Латвия в потоке истории. 2-я половина XIX – 1-я половина XX в. М.: ИВИ РАН, 2015. С. 36–60; Шалда В. Латышские беженцы в России и революция 1915–1921 гг. // Россия и Балтия. Вып. 2: Эпоха перемен. М.: Наука, 2002. С. 60–88; Его же. Латышские художники в Москве (20–30 гг. XX века) // Россия и Балтия. Вып. 4: Человек в истории. М.: Наука, 2006. С. 178–199; Stinkulis V. Vai tiešām tik sarkani? // Latviešu strēlnieks. 1994. № 4. 3 l pp.

³ Штраус В. П. Московская латышская община в XIX в. Краткое обозрение. С. 188–194.

⁴ Кикутс Т. Указ. соч. С. 57–59

⁵ Шалда В. Латышские беженцы в России и революция 1915–1921 гг. С. 85.

статистических данных о динамике численности латышской общины в Советской России и СССР в 1920–1940-е гг. проводит К. П. Арент⁶. Его статья содержит сведения о количестве культурных учреждений латышей в стране и первоочередной нацеленности их работы на интересы диаспоры.

В исследованиях Е. Л. Назаровой и В. Стинкулиса основное внимание уделяется изменению оценок в современной российской и латышской историографии деятельности красных латышских стрелков. Их точка зрения противостоит прослеживаемой тенденции возложить на стрелков всю ответственность за красный террор в Советской России / СССР⁷.

Подробная характеристика деятельности культурно-просветительских организаций латышей приводится в работах Д. В. Аветяна и Е. Н. Крякина⁸. Освещая деятельность этих организаций через русскоязычную прессу, Д. В. Аветян отмечает их большую численность и широкий охват всего латышского населения СССР с целью объединения и просвещения при сочетании национальной культуры и социалистической пропаганды. Наиболее значимой этнической организацией оба автора считают общество «Прометей», воспитывавшее классовое пролетарское сознание и пролетарский интернационализм. Авторы также акцентируют внимание на аполитичности латышского населения, которое стремилось мирно трудиться и налаживать быт без участия в политической жизни страны.

Подтверждение этому тезису можно найти в диссертации Л. А. Лягушкиной, в основу которой был положен социальный анализ состава репрессированных по отдельным регионам страны. Автор также утверждает, что причиной арестов латышей и приговоров к высшей мере наказания в 56–78 % случаев периода Большого террора была прежде всего национальность⁹.

Большинство исследователей дают высокую оценку вклада репрессированных латышских художников, писателей, артистов в развитие культуры Латвии и России. Особенное внимание уделяется художественному наследию и судьбам А. Древина, Г. Клуциса, В. Якуба, В. Андерсона¹⁰. Менее изученной остается тематика латышского театрального искусства 1930-х гг., где преобладают работы по ранним театральным коллективам в Москве¹¹, а достижения наиболее зрелого театра «Скатувэ» прослеживаются по публикациям в прессе. О работе латышской секции Союза советских писателей

⁶ Арент К. П. Динамика численности латышей в Советской России / СССР (1920–1940 гг.) // Россия и Латвия в потоке истории. 2-я половина XIX – 1-й половины XX в. М.: ИВИ РАН, 2015. С. 212–233.

⁷ Назарова Е. Л. Латыши в русской революции. Судьба Карла Яковица // Россия и Балтия. Вып. 9: Источник и миф в истории. М.: Весь мир, 2020. С. 143–186; Stinkulis V. Op. cit.

⁸ Аветян Д. В. Указ. соч.; Крякин Е. Н. Указ. соч.

⁹ Лягушкина Л. А. Указ. соч. С. 296.

¹⁰ Шалда В. Латышские художники в Москве (20–30 гг. XX века). С. 178–199; Зелюкина Т. С. Указ. соч. С. 224–238; Шафранская Э. Ф. Указ. соч. С. 180–205.

¹¹ Бартеле Т. Указ. соч. С. 88–110.

идет речь в статье В. П. Штрауса¹²: автор анализирует состав секции, количество публикаций, вклад писателей в поддержку латышской литературной традиции, приводит данные о попытках перевода латышской художественной литературы на русский язык.

Новизна представленного исследования заключается в обобщении материалов современных работ российских и латвийских авторов по спектру тем, имеющих отношение к репрессиям членов творческих и просветительских сообществ Москвы в 1937–1938 гг. Поскольку архивные фонды по теме исследованы недостаточно, при подготовке публикации был привлечен существенный массив архивных документов из следственных дел репрессированных членов латышских организаций в Москве¹³. Многие из них вводятся в научный оборот впервые и дополняют представление о причинах и масштабах террора в стране¹⁴. В работе с архивными документами и статистической информацией публикаций применяется компаративный метод в комплексе с конкретно-историческим, позволяющим проследить деятельность культурных объединений и судьбы людей на меняющемся фоне социально-политических процессов в стране и мире.

Ход и результаты исследования. Латышские культурно-просветительские учреждения в России начали создаваться во время Первой мировой войны, когда территория Латвии оказалась во фронтовой и прифронтовой зоне. С входом немецких войск в Курляндию в апреле 1915 г. Ставка военного командования приняла решение об эвакуации населения. Постепенно нарастая, поток беженцев в центральные районы России увеличивался: на 1917 г. в России проживало 760 тыс. латышей, рассредоточенных по 300 географическим локациям. В Санкт-Петербурге было 60 тыс. беженцев из Латвии, а в Москве — около 30,5 тыс.¹⁵ Основной состав беженцев в Москве был представлен промышленным пролетариатом, эвакуированным вместе с предприятиями Риги целыми семьями; сельскохозяйственными работниками, служащими и студентами. Большая часть диаспоры работала в московских филиалах рижских предприятий — на фабрике «Проводник», заводах «Мотор», «Каучук», АМО (ЗИС), авиационном заводе «Юнкерс» (№ 22), в кустарных кожевенных мастерских, позднее объединенных в обувную фабрику «Парижская Коммуна», жила компактно и, плохо владея русским языком, не пыталась ассимилироваться в московской среде. В Центральной России латышей поддерживали различные благотворительные организации — Всероссийский союз беженцев, Латышское культурное бюро, Московское латышское общество и др.

¹² Штраус В. П. С латышского на русский (Проблемы перевода и издания произведений писателей латышской диаспоры в России в 20–30-х гг. XX в.) // Россия и Балтия. Вып. 6: Диалог историков разных стран и поколений. М., 2011. С. 117–22.

¹³ Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. 10035 (УНКВД по Москве и Московской области).

¹⁴ Справка по материалам фонда ГАРФ № 4736 общества «Прометей». ГАРФ. Ф. 10035. Оп. 1. Д. П–25983. Л. 59–62.

¹⁵ Шалда В. Латышские беженцы в России и революция. 1915–1921 гг. С. 63–64.

Основная масса латышского населения была политически нейтральной и желала только одного — возвращения на родину. Их мнение было отражено в латышской демократической газете «Новый ежедневный листок»: «У нас нет никаких оснований вмешиваться во внутреннюю борьбу, сведение счетов русской демократии. Нам, латышам, более всего необходим мир, чтобы мы поскорее попали обратно на свою землю и могли бы там восстановить и создать свободное устройство свободной автономной Латвии»¹⁶. Оказавшимся в России соотечественникам активно помогали представители латышской социал-демократии, и беженцы готовы были поддержать большевиков. Хотя только незначительная их часть, увлеченная идеей национального и социального освобождения латвийского народа, участвовала в революционных событиях октября 1917 г. в Петрограде и Москве — около 1500 человек в каждой из столиц¹⁷. Среди латышей наиболее активным отрядом революции стали красные стрелки.

Латышские воинские подразделения были сформированы в период Первой мировой войны, участвовали в военных действиях Юго-Западного, Северо-Западного и Северного фронтов. Часть этих подразделений вошла в латышскую дивизию, а состав был назван латышскими стрелками. В 1917 г. убежденность красных латышских стрелков в едином пути к свободе с революционной Россией была велика, на ней основана воинская отвага, а также преданность идеям большевизма. В западных районах латышские стрелки боролись за установление советской власти в Латвии в декабре 1918 – январе 1919 г., а затем в октябре 1919 – январе 1920 г. и в августе – ноябре 1920 г. участвовали в разгроме войск Антанты; в Центральной России они участвовали в военных действиях на фронтах Гражданской войны. В двух столицах — Петрограде и Москве — от 300 до 1000 латышских стрелков отвечали за охрану Ленина и правительства, выполняя самые сложные задания ВРК, ВЧК, СНК и ВЦИК¹⁸. Латышская стрелковая советская дивизия была расформирована по условиям Рижского мирного договора 1920 г., и с 1919 по 1927 г. 223 572 латыша — стрелки, студенты, рабочие, колонисты — вернулись в Латвию; командиры же латышских военных подразделений, большевики и другие представители социал-демократии Латвии — около 200 тыс. человек — остались. Бывший директор музея красных стрелков в Риге В. Стинкулис считал, что «почти 5 тысяч, в основном старших командиров и членов партии, остались в России»¹⁹. По переписи 1937 г., в Москве проживало 11 077 латышей²⁰.

¹⁶ Шалда В. Латышские беженцы в России и революция. 1915–1921 гг. С. 71.

¹⁷ Там же. С. 71.

¹⁸ Латышские стрелки в борьбе за Советскую власть в 1917–1920 гг.: Воспоминания и документы. Рига: Изд-во АН Латв. ССР, 1962. С. 13.

¹⁹ Арент К. П. Указ. соч. С. 216, 218; Шалда В. Истина или легенды: актуальные вопросы истории латышских стрелков в публицистике и историографии Латвийской Республики // Россия и Балтия. Вып. 9: Источник и миф в истории. М.: Весь мир, 2020. С. 110; Шалда В. Латышские беженцы в России и революция. 1915–1921 гг. С. 82; Stinkulis V. Op. cit.

²⁰ Арент К. П. Указ. соч. С. 226.

Известными деятелями, оставшимися в истории советского государства, стали бывшие стрелки: начальник латышской дивизии и первый командующий вооруженными силами Советской России И. И. Вацетис, начдив Я. Я. Лацис, заместитель председателя ВЧК Ф. Э. Дзержинского — Я. Х. Петерс, историограф ВЧК М. Я. Лацис (Я. Ф. Судрабс), писатель Р. Эйдеман, большевик, возглавивший деятельность латышского культурно-просветительского общества «Прометей» в Москве, — К. Х. Данишевский. Латыши в системе большевистской иерархии заняли высокие и, казалось, очень прочные позиции. Они определили латышское лицо РКК и ВЧК, отчасти высших партийных и государственных органов, а затем постепенно перемещались на хозяйственные должности. Так, М. Я. Лацис возглавил позднее Солесиндикат, К. Х. Данишевский работал в Наркомате лесной промышленности, Я. Э. Рудзутак стал секретарем ВЦСПС.

Не теряя связи с соотечественниками и поддерживая тесные контакты с латышскими объединениями, в соответствии с профессиональным образованием приспосабливались к мирной жизни и рядовые латышские стрелки. В поддержку многочисленного латышского населения в РСФСР были созданы Комиссариат по латышским национальным делам, Всероссийский центр латышских секций ВКП (б) и его бюро, Латышская высшая партийная школа, Латышская секция Коминтерна, Латышская секция Союза писателей, Латышское культурно-просветительское общество «Прометей» и др. В 1920-х гг. в СССР работало около 70 латышских библиотек, 60 клубов, несколько театров, в том числе профессиональных, хоровые коллективы, 150 латышских школ. В Москве находилось издательство «Прометей», выпускавшее газеты и журналы, книги для детей и взрослых, Московский институт народного образования с латышским рабфаком, Коммунистический университет народов Запада с латышским сектором, латышский педагогический техникум, латышская высшая партшкола. В Московском регионе работали десять латышских школ первой ступени, одна школа второй ступени, два детских сада, три детских дома, шесть клубов, две библиотеки²¹.

Латышское культурно-просветительное общество «Прометей» существовало с 1925 г. на основе устава, утвержденного Моссоветом 25 февраля 1924 г. за № 1972²². Высшим руководящим органом являлось распорядительное общее собрание членов общества, а исполнительным органом было правление, избираемое распорядительным общим собранием сроком на один год. Основателем и идеологом «Прометей» был М. Я. Лацис, председателем правления — К. Х. Данишевский, заместителем председателя правления — Ф. И. Берновский, почетными членами — ветераны Латышской социал-демократической рабочей партии Я. Э. Рудзутак, И. И. Вацетис и Я. Х. Петерс. Юриконсультком общества был Александр Маркович Винавер, а с 1 ноября 1936 г. — Евгений

²¹ Арент К. П. Указ. соч. С. 222–223.

²² ГАРФ. Ф. 10035. Оп. 1. Д. П–25983. Л. 59–62.

Михайлович Вишнеvский. В 1929 г. устав общества был изменен, дополнен и утвержден Советом народных комиссаров СССР²³.

Целью и задачей общества являлось ведение культурно-просветительной работы среди латышей, проживающих в СССР, посредством распространения периодической и непериодической литературы — научной и художественной, издававшейся преимущественно на латышском языке. Для осуществления указанных целей общество имело право хозяйственной, просветительской и культурной деятельности:

- открывать и поддерживать книжные магазины и склады для торговли литературой издательства «Прометей» и других издательств, а также канцелярскими товарами;

- содержать культурно-просветительные учреждения и необходимые для этого предприятия, такие как типография, мастерские по изготовлению письменных принадлежностей и учебных пособий, переплетные мастерские и т. п.;

- устраивать лекции, доклады, выставки, диспуты;

- оказывать содействие государственным учреждениям в их деятельности по обслуживанию культурных потребностей латышского населения в СССР.

Финансы общества формировались из вступительных и ежемесячных членских взносов; добровольных пожертвований; субсидий правительственных учреждений и общественных организаций; доходов от принадлежащего обществу имущества; доходов от всей деятельности общества, предусмотренной уставом. Общество оказывало материальную поддержку латышским школам, клубам, театрам, учебным заведениям на местах.

В составе общества «Прометей» были следующие секторы: партийного и советского строительства; культурно-просветительской и политмассовой работы; школьный; сельскохозяйственный; музыкальный; изобразительного искусства; латгальский и издательский. Издательской секцией руководил Эрнест Янович Герман. При обществе работало издательство периодических и непериодических изданий, главным редактором которого был Иоган Яковлевич Ласис. Оно издавало на латышском языке ежедневную газету «Коммунару Циня», детскую газету «Дарба Вернэ», детский журнал «Мазайст коллективист», общественно-политический и литературный журнал «Целтна» и журнал на латгальском языке²⁴. Кроме того, издавались и широко распространялись учебные книги для латышских школ, общественно-политическая и художественная литература, велась работа по организации кружков для молодых писателей.

Общество поддерживало работу латышских театров в Москве, Ленинграде и Смоленске. Еще в 1915 г., с входом германских войск в Латвию, в Москву приехали многие известные представители латышской культуры, в том числе известные театральные деятели, в частности режиссер Е. Дубурс — поклонник

²³ Устав просветительного общества «Прометей»: утвержден 1 апреля 1929 года. М.: Прометей, 1929. 11 с.

²⁴ ГАРФ. Ф. 10035. Оп. 1. Д. П–25983. Л. 60.

системы К. С. Станиславского, и развернулась деятельность латышских молодежных любительских трупп с латышским репертуаром. В 1916 г. в Москве открылся Новый латышский театр, где режиссурой занимался актер-комик Г. Жибалт и репертуар был более революционным, тем не менее латышская секция РКП (б) была им недовольна и театр закрылся в 1919 г. Многие театральные кружки и студии в последующие годы работали при клубах предприятий для латышских рабочих. Среди них «Страдниекс» («Рабочий») на заводе «Проводник», «Накотне» («Будущее») на заводе «Каучук», Московский латышский рабочий театр при латышском клубе «Циня» («Борьба»), театральная группа латышских стрелков, театральная группа латышских работников торговли, группа латышской большевистской секции в Хамовниках. Выступали эти коллективы на сценах известных театров: Никитского театра (Театр им. В. Маяковского), театра Зимина (Театр оперетты), Театра Струйского (филиал Малого театра на Ордынке), театра «Мозаика» (Театр им. М. Ермоловой). В репертуаре была классика: пьесы Лопе де Вега, Ф. Шиллера, Д. Голсуорси, Н. В. Гоголя, А. М. Горького, Г. Гауптмана и в значительной степени пьесы латышских авторов, отражавшие революционную тематику А. М. Упита, Я. Райниса и др. В 1920-е гг. появились государственные латышские театры — Государственный латышский драматический театр-студия и Новый латышский театр агитации и пропаганды при Латышской высшей партийной школе в ведении Наркомпроса, очень идейный и леворадикальный, директором которого был М. Лацис, а режиссером — Т. Антманис. В 1922 г. обсуждалось объединение всех латышских театральных коллективов, но единогласного решения принято не было, и десять лет в Москве латышские театры не работали²⁵.

Только в 1932 г. по инициативе общества «Прометей» в его здании на Страстном бульваре был открыт Государственный латышский театр «Скатувэ» («Сцена»), до этого момента существовавший в виде студии вахтанговцев, где преподавали Б. Щукин и Б. Захава. В 1933 г. он был признан лучшим национальным театром в СССР и имел большую популярность среди латышей. В его репертуаре были 16 больших и 40 малых спектаклей, ставились пьесы латышских драматургов для латышской аудитории: «Разлом», «Вей, ветерок» Я. Райниса, «Авантюра» Р. А. Апина и К. Йокума, «Волки» Р. Эйдмана²⁶. Художественным руководителем театра стал Освальд Федорович Глазунов (Глазниец), близкий к традициям МХТ и театра Е. Вахтангова. Здесь в 1937 г. работали 38 актеров, в том числе М. К. Лейко, братья Я. Я. и К. Я. Балтаусы, братья Рудольф Фрицевич и Роберт Фрицевич Банцан (директор театра)²⁷. Общество «Прометей» совместно с театром «Скатувэ» и Центральным латышским клубом им. П. Стучки организовывали спектакли и концерты, разъезжали по всей

²⁵ Бартеле Т. Указ. соч. С. 88–110.

²⁶ Вейден Я. Латышский театр «Скатувэ» // Советский театр. 1930. № 7. С. 18–19.

²⁷ Состав труппы театра был установлен по материалам следственных дел артистов: ГАРФ. Ф. 10035. Оп. 1. Д. П–52854. Л. 11–12, Д. П–37947. Л. 20–21 об. Д. П–26323. Л. 22–37, Д. П–41263. Л. 12–16.

стране с целью мобилизации латышского профессионального и самодеятельного искусства, демонстрации и популяризации латышского национального искусства. Последний спектакль был сыгран 27 декабря 1937 г., после чего театр был закрыт по решению Президиума Моссовета «О латышском, литовском, эстонском, финском, польском, китайском клубах» вместе с латышскими клубами.

Одновременно сектор культурно-просветительской и политмассовой работы обслуживал потребности латышского населения через радиопередачи. Руководил работой сектора Кришьян Кришьянович Саулит. Общество имело редакции радиопередач в местах компактного проживания латышей в Минске, Смоленске, Ленинграде, Новосибирске, ведущие трансляцию в 49 латышских колхозах. В колхозах проводились лекции, концерты, радиопередачи, были организованы курсы по переподготовке колхозного актива.

Курсы по повышению квалификации бригадиров-животноводов и полеводов проводила сельскохозяйственная секция. Она же оказывала помощь колхозам при проведении сельскохозяйственной кампании: устраивала лекции, беседы, радиопередачи. Руководил секцией Арвид Яковлевич Цельмс, а с 1933 г. — Мартин Фрицевич Витолин. В колхозах была организована сеть изб-читален, красных уголков, библиотек, посылались литература, проводилась широкая агрозоотехническая пропаганда, оказывалась помощь на время посевной и уборочной кампании. Правление общества «Прометей» пользовалось правом направлять своих работников в колхозы и совхозы, где имелись латышские поселения. В их ведении находились совхоз «Ударник» Загорского района Московской области; сельскохозяйственная коммуна им. Данишевского Детчинского района Московской области; колхоз «Страуме» Бородинского сельсовета Московской области; колхозы Кущевского района Азово-Черноморского края — «Земнекс», «Циня» им. Биркмана, «Дабра Вениба»; колхоз им. Изака Спас-Деменского района Западной области; колхоз «Стрелнекс» Чудовского района Ленинградской области; колхозы «Маяк» и им. Стучки в Башкирии и многие другие. В колхозы выезжали оказывать «культурно-политическую и хозяйственную помощь и ставили своей задачей добиться превращения хозяйства колхоза в образцово-показательное, как в смысле первоочередного выполнения государственных заданий, так и в смысле улучшения материально-бытовых условий колхозников»²⁸. Общество выдавало колхозам кредиты, помогало в получении сельхозинвентаря, семян, кормов, проектировании строительства. Колхозы, в свою очередь, обязаны были снабжать членов общества за счет излишков молоком, маслом, мясом, овощами и другими сельхозпродуктами. Члены общества проводили обследование состояния культурно-массовой работы в колхозах, оказывали содействие в организации латышских школ, комплектовали их учителями, организовывали гастрольные поездки театра «Скатувэ». В колхозы направлялись студенты и аспиранты Коммунистического университета национальных меньшинств Запада (КУНМЗ), которые проводили

²⁸ ГАРФ. Ф. 10035. Оп. 1. Д. П–25983. Л. 61–62.

общественную и организационную работу, а также студенты латышского отделения Битцевского сельскохозяйственного техникума.

Музыкальная секция, которой руководил Ян Яковлевич Озолин, также участвовала в обслуживании и колхозов, и рабочих центров, организуя концерты, местные музыкальные кружки. Латгальская секция под руководством Исидора Петровича Кукоя оказывала помощь колхозам и культурным учреждениям латгальцев посредством проведения курсов для колхозного актива, бесед, лекций и прочих мероприятий. В тесном контакте с обществом «Прометей» находилась латышская секция Союза советских писателей. В секции состояли 17 членов и пять кандидатов в члены ССП: Симан Бергис, Петр Блюмфельд, Паул Вискне, Анна Запровская, Петр Кикут, Вильгельм Кноррин, Линард Лайцен, Роберт Пельше, Ян Страуян, Судрабу Эджус, Карл Упмал, Эмил Фросс, Альвил Цеплис, Эдуард Шиллер, Роберт Эйдеман, Ян Эйдук, Юлия Янель. Кандидатами были Эдуард Биройс, Эдмунд Буркевиц (Эдмундс Буркевицс), Конрад Иокум, Карл Преднек, Эдуард Саленек. А. Запровска, Р. Пельше и В. Кноррин были известны также как литературоведы и литературные критики²⁹.

Школьной секцией руководил Эдуард Марцевич Стурит и непосредственно перед ликвидацией общества — Эмма Карловна Жвигур. Секция занималась латышскими школами, осуществляя методическое руководство, в частности сотрудники секции курировали московскую латышскую школу № 355 (по другим сведениям, № 22) Бауманского района, находившуюся на Н. Басманной улице, дом 19. Директором школы в 1936–37 гг. была Алиса Ивановна Баррон, она сменила прежних директоров — Альвину Карловну Ауре и Эльзу Яновну Гробинь, а завучем — тесно связанная с обществом «Прометей» Берта Индриковна Роньсала. Ее муж, Арвид Яковлевич Цельмс, руководил работой сельскохозяйственной секции общества. В школе работали педагоги-латыши: Август Пликаус, Юрий Августович Пакальнет с сестрой Мильдой Августовной Пакальнет, Петр Романович Прейс, Анс Петрович Лауберт, Валентина Уит, Мария Кейпенварлиц, Вильгельмина Александровна Клаве, Татьяна Веркстинь. В одном здании со школой находился латышский детский дом, директором которого была Лилия Бринкман, а воспитательницами — Гильда Федоровна Эсалинь и Эмма Линьтинь³⁰. Школа была расформирована после ликвидации общества.

Задачи секции ИЗО общества «Прометей» заключались в объединении латышских художников для работы над тематическим планом всего сектора культмассовой работы. Руководил секцией художник и бывший латышский стрелок Павел Янович Ирбит. В секцию входили художники Г. Г. Клупис, А. Д. Древин, В. П. Андерсон, К. Вейдеман, В. К. Якуб, Э. Я. Раценайтис, Цецилия Густав, Эрнст Гринвальд, Эрнст Калис и многие др., скульптор Я. Я. Калынь³¹. В своем творчестве они поднимали тему революционного движения

²⁹ Штраус В. П. С латышского на русский. С. 122.

³⁰ ГАРФ. Ф. 10035. Оп. 1. Д. П-52667. Л. 9–9 об., П-26631. Л. 11–15, Д. П-55461. Л. 10–18.

³¹ Шафранская Э. Ф. Указ. соч. С. 188–190.

в Латвии, работали над близкими им сюжетами из жизни латышских стрелков, поскольку многие сами в прошлом были стрелками, писали сюжеты о работе латышских колхозов в составе СССР. Секция изобразительного искусства устраивала выставки и общественные просмотры новых картин, вечера тематических встреч и конференции, оказывала помощь клубам, кружкам и школам. Художники отправлялись в командировки от общества в латышские колхозы в Латвию, Башкирию, Крым, Ленинградскую область.

В ноябре 1936 г. Я. Э. Рудзутак и его ближайший помощник К. Х. Данишевский были арестованы как участники троцкистской террористической организации. В 1937 г. общество «Прометей» было ликвидировано на основании Постановления № 1129 Совета народных комиссаров СССР от 16 июля 1937 г.³² Далее последовали массовые аресты членов латышских объединений. Основанием для их проведения стало секретное спецсообщение № 55422 от 21 января 1937 г. Н. И. Ежова Сталину о контрреволюционной организации в Коминтерне и «Прометее»³³, которая якобы возникла в 1928–1929 гг. в Латвии и вела работу против латышской секции Коминтерна, а с 1932 г. ее представители были внедрены в «Прометей» и КУНМЗ³⁴. Затем вышли приказы НКВД № 00447 о репрессиях кулацких, уголовных и антисоветских элементов от 30 июля 1937 г. и № 00485 от 11 августа 1937 г. о польской операции, коснувшиеся и латышей³⁵. Массовые аресты начались в конце ноября 1937 г., когда НКВД СССР была разослана шифрограмма № 49990 от 30 ноября 1937 г. с указанием выявлять контрреволюционеров и шпионов в латышских организациях, на предприятиях, учреждениях, где компактно работали латыши, и приказ НКВД от 3 декабря 1937 г.³⁶ Далее следовали приказы об увеличении лимитов на аресты до осени 1938 г.

Большинство руководителей общества «Прометей», 12 художников секции ИЗО, в том числе К. Вейдеман, А. Древин, Г. Клуцис, Р. Андерсон, Э. Райценайс, П. Ирбит и скульптор Я. Калнынь, были расстреляны в Бутово в 1938 г.³⁷; педагоги латышской школы и детского дома были репрессированы с особой жесткостью³⁸. На Бутовском полигоне 3 февраля 1938 г. были расстреляны 229 латышей, среди них большую часть представляли артисты и сотрудники театра «Скатувэ». В годы репрессий из двадцати двух членов и кандидатов в члены Союза советских писателей были расстреляны восемнадцать³⁹. Массовые репрессии Большого террора 1937–1938 гг. коснулись очень многих представителей

³² ГАРФ. Ф. 10035. Оп. 1. Д. П-25983. Л. 62.

³³ Лубянка: Сталин и Главное управление госбезопасности НКВД. Архив Сталина. Документы высших органов партийной и государственной власти. 1937–1938 / под ред. А. Н. Яковлева; сост. В. Н. Хаустов, В. П. Наумов, Н. С. Плотникова. М.: МФД, 2004. С. 52.

³⁴ Архив Президента Российской Федерации (АПРФ). Ф. 3. Оп. 24. Д. 274. Л. 14–17.

³⁵ Бутовский полигон. 1937–1938 гг. Книга Памяти жертв политических репрессий. Вып. 8. М.: Альзо, 2004. С. 263.

³⁶ Там же. С. 267.

³⁷ Там же. С. 276.

³⁸ ГАРФ. Ф. 10035. Оп. 1. Д. П-52667. Л. 29–41, Д. П-26631. Л. 37.

³⁹ Штраус В. П. С латышского на русский. С. 122.

латышской диаспоры: они приговаривались если не к высшей мере наказания, то к 10 и 15 годам исправительных трудовых лагерей, как, например, директор Московского библиотечного института (ныне — Московский государственный институт культуры), профессор Генриетта Дерман, арестованная 8 января 1938 г. и сосланная в Воркуту на 15 лет (ее муж Вилис Дерман — заведующий кафедрой всеобщей истории КУНМЗ — был арестован 26 декабря 1937 г. и расстрелян в Бутово 3 февраля 1938 г. вместе с группой латышей). Всего в Бутово расстреляны 1328 латышей, в Коммунарке — 325 человек⁴⁰. Действия НКВД по латышской операции завершились только осенью 1938 г.

Заключение. После революции и войны система ценностей латышского населения включала идею социальной справедливости и национальной свободы, она складывалась под влиянием социал-демократических сил Латвии и России. Преобладающий тип латыша начала века — сельскохозяйственный рабочий, батрак, безземельный крестьянин. Решение вопросов национального и социального освобождения латыши связывали с большевистской Россией и революцией.

Надежность и преданность латышских воинских подразделений периода Гражданской войны не вызывала сомнений. Многие латышские стрелки были членами ВКП (б), убежденными сторонниками демократии, начавшими политическую борьбу еще в качестве членов Социал-демократии Латышского края и Латвийской социал-демократической рабочей партии.

В большевистской иерархии в Советской России и СССР латышские лидеры заняли высокое положение. Они работали в комиссариатах, комитетах, обществах, нередко возглавляя их: ВЧК, РККА, СНК, ВЦСПС, Коминтерне. Они же поддерживали латышские общественные организации по всей стране, пытаясь сохранить единство нации и поддержать национальную идентичность. Разочарование в большевистских идеях пришло позднее, в процессе жесткой реализации этих идей в СССР, когда латышские лидеры отказались от лозунга «Свободная Латвия в свободной России».

Настороженность к национальным движениям в СССР стала проявляться с 1929 г. — времени «большого перелома» — и усиливалась с приближением войны. Принятие Конституции 1936 г. увеличило социальную напряженность, а к моменту выборов по этой конституции в Верховный Совет СССР 12 декабря 1937 г. были приняты меры изоляции подозреваемых в ненадежности национальных контрреволюционных элементов. Массовый характер аресты получили в результате допущенной свободы действий органов НКВД в центре и на местах, получавших все большую власть, определенные привилегии и экономические выгоды от созданной репрессивной машины.

Поддержка латышскими лидерами этнических сообществ латышей в СССР, и в частности культурно-просветительских организаций в Москве, к 1937 г. оказалась опасной для этих объединений, поскольку в стране началась борьба за удержание власти ВКП(б). Все культурно-просветительские и образовательные

⁴⁰ Бутовский полигон. Вып. 8. С. 290.

учреждения латышей были закрыты, и стерта сама память о них. По статистике, в результате репрессий в 1937–1938 гг. в СССР погибло приблизительно 0,43 % населения⁴¹ (население, по переписи 1937 г., составляло около 162 млн чел.). Репрессии латышской диаспоры в столице были гораздо жесточеннее и цифры погибших, по неполным данным, достигают 1653 человек, или 14,9 % от общего числа проживающих в Москве латышей: большая часть из них — 1328 человек — оказались на Бутовском полигоне⁴², представители латышской номенклатуры в партийных и государственных органах СССР — 325 человек — расстреляны в Коммунарке⁴³. Массовую гибель латышских граждан СССР можно расценивать как один из факторов, приведших к выходу республики из состава Союза в 1989 г., когда Верховный Совет Латвийской ССР принял декларацию о суверенитете. Вместе с тем можно сказать, что отношения советского государства с латышским сообществом в рассматриваемый период находились в рамках определенной правительством, но меняющейся национальной политики.

Литература

1. Арент К. П. Динамика численности латышей в Советской России / СССР (1920–1940 гг.) // Россия и Латвия в потоке истории. 2-я половина XIX – 1-я половина XX в. / отв. ред. Е. Л. Назарова. М.: ИВИ РАН, 2015. С. 212–233.
2. Бартеле Т. Латышский театр в Москве. 1915–1922 // Россия и Балтия. Вып. 2. Эпоха перемен (1914–1924) / отв. ред. А. О. Чубарьян; ред.-сост. Е. Л. Назарова. М.: ИВИ РАН, 2002. С. 88–10.
3. Бутовский полигон. 1937–1938 гг. Книга памяти жертв политических репрессий. Вып. 8. М.: Альзо, 2004. 400 с.
4. Зелюкина Т. С. Латвийские художники в Третьяковской галерее // Россия и Балтия. Вып. 9: Источник и миф в истории / отв. ред. А. О. Чубарьян; Ин-т всеобщ. истории РАН. М.: Весь Мир, 2020. С. 224–238.
5. Кикутс Т. Латышские переселенцы в России: отражение проблемы в латышской публицистике начала XX века // Россия и Латвия в потоке истории. 2-я половина XIX – 1-я половина XX в. / отв. ред. Е. Л. Назарова. М.: ИВИ РАН, 2015. С. 36–60.
6. Крякин Е. Н. Этнические организации Москвы и Подмосковья в 1920-е – первой половине 1930-х гг.: дис. ... канд. ист. наук. М., 2018. 180 с.
7. Латышские стрелки в борьбе за Советскую власть в 1917–1920 годах: Воспоминания и документы / Акад. наук Латв. ССР. Ин-т истории; [введ. Я. П. Крастыня]. Рига: Изд-во АН Латв. ССР, 1962. 527 с.
8. Лягушкина Л. А. Социальный портрет репрессированных в РСФСР в ходе Большого террора (1937–1938 гг.): сравнительный анализ баз данных по региональным «Книгам памяти»: дис. ... канд. ист. наук. М., 2016. 354 с.
9. Назарова Е. Л. Латыши в русской революции. Судьба Карла Яковица // Россия и Балтия. Вып. 9: Источник и миф в истории / отв. ред. А. О. Чубарьян; Ин-т всеобщ. истории РАН. М.: Весь Мир, 2020. С. 143–186.

⁴¹ Лубянка. Сталин и Главное управление госбезопасности НКВД. С. 6.

⁴² Бутовский полигон. Вып. 8. С. 290.

⁴³ Там же.

10. Шалда В. Истина или легенды: актуальные вопросы истории латышских стрелков в публицистике и историографии Латвийской Республики // Россия и Балтия. Вып. 9: Источник и миф в истории / отв. ред. А. О. Чубарьян; Ин-т всеобщ. истории РАН. М.: Весь Мир, 2020. С. 82–142.
11. Шалда В. Латышские беженцы в России и революция. 1915–1921 гг. // Россия и Балтия. Вып. 2. Эпоха перемен (1914–1924) / отв. ред. А. О. Чубарьян; ред.-сост. Е. Л. Назарова. М.: ИВИ РАН, 2002. С. 63–94.
12. Шалда В. Латышские художники в Москве (20–30 гг. XX века) // Россия и Балтия. Вып. 4: Человек в истории / отв. ред. А. О. Чубарьян; ред.-сост. Е. Л. Назарова. М.: Наука, 2006. С. 178–199.
13. Шафранская Э. Ф. Бутовский полигон vs Нукусский музей им. И. В. Савицкого // Знамя. 2021. № 7. С. 180–205.
14. Штраус В. П. Московская латышская община в XIX в. Краткое обозрение // Россия и Балтия. Вып. 3: Остзейские губернии и Северо-Западный край в политике реформ Российской империи. 2-я половина XVIII – XX в. / отв. ред. А. О. Чубарьян. М.: ИВИ РАН, 2004. С. 188–94.
15. Штраус В. П. С латышского на русский (Проблемы перевода и издания произведений писателей латышской диаспоры в России в 20–30-х гг. XX в.) // Россия и Балтия. Вып. 6: Диалог историков разных стран и поколений / отв. ред. А. О. Чубарьян. М.: Весь мир, 2011. С. 117–22.
16. Stinkulis V. Vai tiešām tik sarkani? // Latviešu strēlnieks. 1994. № 4. 31 p.

References

1. Arent K. P. Dinamika chislennosti latyshei v Sovetskoj Rossii / SSSR (1920–1940 gg.) [Dynamics of the number of Latvians in Soviet Russia/USSR (1920–1940)] // Rossiia i Latviia v potoke istorii. 2-ia polovina XIX – 1-ia polovina XX v. / отв. ред. Е. Л. Назарова. М.: ИВИ РАН, 2015. S. 212–233. (In Russ.).
2. Bartele T. Latyshskii teatr v Moskve. 1915–1922 [Latvian theater in Moscow. 1915–1922] // Rossiia i Baltiia. Vyp. 2. Epokha peremen (1914–1924) / отв. ред. А. О. Чубарьян; ред.-сост. Е. Л. Назарова. М.: ИВИ РАН, 2002. S. 88–10. (In Russ.).
3. Butovskii poligon. 1937–1938 gg. Kniga pamiati zhertv politicheskikh repressii. Vyp. 8 [Butovo landfill. 1937–1938. Book of Memory of Victims of Political Repressions]. М.: Al'zo, 2004. 400 s. (In Russ.).
4. Zeliukina T. S. Latviiskie khudozhniki v Tret'iakovskoi galeree [Latvian artists in the Tretyakov Gallery] // Rossiia i Baltiia. Vyp. 9: Istochnik i mif v istorii / отв. ред. А. О. Чубарьян; Ин-т всеобщ. истории РАН. М.: Ves' Mir, 2020. S. 224–238. (In Russ.).
5. Kikuts T. Latyshskie pereselentsy v Rossii: otrazhenie problemy v latyshskoi publitsistike nachala XX veka [Latvian Settlers in Russia: Reflection of the Problem in Latvian Publicism at the Beginning of the 20th Century] // Rossiia i Latviia v potoke istorii. 2-ia polovina XIX – 1-ia polovina XX v. / отв. ред. Е. Л. Назарова. М.: ИВИ РАН, 2015. S. 36–60. (In Russ.).
6. Kriakin E. N. Etnicheskie organizatsii Moskvy i Podmoskov'ia v 1920-e – pervoi polovine 1930-kh gg. [Ethnic organizations of Moscow and the Moscow region in the 1920s – the first half of the 1930s.]: dis. ... kand. ist. nauk. М., 2018. 180 s. (In Russ.).

7. Latyshskie strelki v bor'be za Sovetskuiu vlast' v 1917–1920 godakh: Vospominaniia i dokumenty [Latvian Riflemen in the Struggle for Soviet Power in 1917–1920: Memoirs and Documents] / Akad. nauk Latv. SSR. In-t istorii; [vved. Ia. P. Krastynia]. Riga: Izd-vo AN Latv. SSR, 1962. 527 s. (In Russ.).
8. Liagushkina L. A. Sotsial'nyi portret repressirovannykh v RSFSR v khode Bol'shogo terrora (1937–1938 gg.): sravnitel'nyi analiz baz dannykh po regional'nym «Knigam pamiati» [Social portrait of the repressed in the RSFSR during the Great Terror (1937–1938): a comparative analysis of databases on the regional “Books of Memory”]: dis. ... kand. ist. nauk. M., 2016. 354 s. (In Russ.).
9. Nazarova E. L. Latyshi v russkoi revoliutsii. Sud'ba Karla Iakovitsa [Latvians in the Russian Revolution. The fate of Karl Jakovitz] // Rossiia i Baltiia. Vyp. 9: Istochnik i mif v istorii / otv. red. A. O. Chubar'ian; In-t vseobshch. istorii RAN. M.: Ves' Mir, 2020. S. 143–186. (In Russ.).
10. Shalda V. Istina ili legendy: aktual'nye voprosy istorii latyshskikh strelkov v publitsistike i istoriografii Latviiskoi Respubliki [Truth or Legends: Topical Issues in the History of Latvian Riflemen in Journalism and Historiography of the Republic of Latvia] // Rossiia i Baltiia. Vyp. 9: Istochnik i mif v istorii / otv. red. A. O. Chubar'ian; In-t vseobshch. istorii RAN. M.: Ves' Mir, 2020. S. 82–142. (In Russ.).
11. Shalda V. Latyshskie bezhentsy v Rossii i revoliutsiia. 1915–1921 gg. [Latvian refugees in Russia and the revolution. 1915–1921] // Rossiia i Baltiia. Vyp. 2. Epokha peremen (1914–1924) / otv. red. A. O. Chubar'ian; red.-sost. E. L. Nazarova. M.: IVI RAN, 2002. S. 63–94. (In Russ.).
12. Shalda V. Latyshskie khudozhniki v Moskve (20–30 gg. XX veka) [Latvian artists in Moscow (20–30s of the 20th century)] // Rossiia i Baltiia. Vyp. 4: Chelovek v istorii / otv. red. A. O. Chubar'ian; red.-sost. E. L. Nazarova. M.: Nauka, 2006. S. 178–199. (In Russ.).
13. Shafranskaia E. F. Butovskii poligon vs Nukusskii muzei im. I. V. Savitskogo [Butovo training ground vs Nukus Museum named after I. V. Savitsky] // Znamia. 2021. № 7. S. 180–205. (In Russ.).
14. Shtraus V. P. Moskovskaia latyshskaia obshchina v XIX v. Kratkoe obozrenie [Moscow Latvian community in the 19th century. Brief overview] // Rossiia i Baltiia. Vyp. 3: Ostzeiskie gubernii i Severo-Zapadniy kraj v politike reform Rossiiskoi imperii. 2-ia polovina XVIII–XX v. / otv. red. A. O. Chubar'ian. M.: IVI RAN, 2004. S. 188–194. (In Russ.).
15. Shtraus V. P. S latyshskogo na russkii (Problemy perevoda i izdaniia proizvedenii pisatelei latyshskoi diaspory v Rossii v 20–30-kh gg. XX v.) [From Latvian into Russian (Problems of translation and publication of the works of writers of the Latvian diaspora in Russia in the 20–30s of the 20th century)] // Rossiia i Baltiia. Vyp. 6: Dialog istorikov raznykh stran i pokolenii / otv. red. A. O. Chubar'ian. M.: Ves' mir, 2011. S. 117–122. (In Russ.).
16. Stinkulis V. Vai tiešām tik sarkani? // Latviešu strēlnieks. 1994. № 4. 31 p. (In Latvian).